

Завтра—Международный день театра. Театральные коллективы страны отмечают его спектаклями, посвященными борьбе за мир, социально-нравственным проблемам нашей внутренней жизни. В этом ряду и Ульяновский областной драматический театр.

В День театра состоится встреча актеров со зрителями, беседы. Этой дате посвящает вечер молодежи Дом актера.

А в кабинете главного режиссера, заслуженного деятеля искусств РСФСР Владимира Александровича Голуба собрались актеры — Ирина Янко, Борис Александров, Иван Жигилий, Владимир Мусатов. Идет застойный период репетиций, очень сложный и не менее увлекательный. Именно в эти часы, до выхода на сцену, подробно, в спорах, несогласиях, общих решениях, когда мысль одного обогащается

— Если эвонек не шантаж, зачем нужен Гранович? — вопрос задает Янко.

— Спасибо, Ира. Хороший вопрос. В самом деле — зачем?

— Да он единственный свидетель подлости Казмина, — вступает в разговор Жигилий. — Это, Иван Михайлович, факт. Как говорил Горький, надо понять, откуда он проистекает.

Завтра—Международный день театра

ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО СПЕКТАКЛЯ

Можно ли жить без компромиссов? Быть честным, беспощадно честным прежде всего перед самим собой? Можно ли оправдать свои действия, сулящие блага многим людям, если на пути их осуществления страдает хоть один из этих людей? Можно ли, наконец, молчаливо наблюдать, как человек перестает быть человеком, столкнувшись с несправедливостью?

Риторические вопросы? Да нет, почему же. Каждый день мы отвечаем на них, чаще всего не задумываясь над этим, своими поступками, своей позицией. А если задуматься, если спросить у своей совести? Об этом написал хорошую пьесу «Последний посетитель» В. Дворцова. Как всякая талантливая вещь, она многозначна и вбрасывает в себя гораздо больше вопросов, чем здесь обозначено.

Обустроенная в декабрьском номере журнала «Театр», а написанная, естественно, раньше, пьеса будто предвосхитила многие социально-нравственные проблемы, которые во весь голос прозвучали на XXVII съезде партии. Ну, как же не увлечься ею, не взяться за нее немедленно коллективу театра, если пульс времени—это и его пульс!

И вот уже распределены роли, разномерж текст. И в редких перерывах между плановыми репетициями, спектаклями, заседаниями, концертными выступлениями выкраивается время для репетиций внеплановых.

Поздний вечер. На сцене областного драмтеатра деанно идет обязательный спектакль.

находками других, определяется общая задача спектакля, действенная и психологическая основа каждой роли.

Но о чем же все-таки там речь, в этой пьесе? Зависающий на прием по личному вопросу к заместителю министра Казмину, в недавнем прошлом талантливым хирургом, приходит Посетитель и, обвиняя его в бесчестии, советует уйти с высокого поста. Казмин, которого вот-вот назначают министром, не имеет морального права быть руководителем, считает он и доказывает это.

Непростая ситуация. И от театра требуется предельная достоверность действия.

— Читаем второй акт, товарищи. Какие у нас предлагаемые обстоятельства? — режиссер начинает разговор. — Давайте вспомним: Казмин впервые открыто жлет, ставаясь, таким образом, а один ряд с Ермаковым. Но вместе с тем не забудем того, что мы выснили а прошлый раз, — а первом акте между Казминым и Ермаковым, его помощником, откровенным дельцом и циником, незримо существовал конфликт. Посетитель дает им понять, что он не отступит, как это сделал три года тому назад Гранович, что пойдет до конца. Что же произошло? Давайте думать вместе. Посетитель намеревается позвонить Грановичу.

— А что, он в самом деле хочет устроить очную ставку? — спрашивает Александров (он—Посетитель).

— Да, а почему ты думаешь, что валлешь дурана, когда звонил? В пьесе нет на это намека. Так что ты делалешь, Боря!

Одна за другой сообща анализируется каждая фраза, каждый жест и поступок действующих лиц пьесы. Нет пока уверенности у актеров. Обращается к ним за помощью режиссер. И вот уже горячо спорят, выясняя отношения своих героев, Мусатов, Жигилий, Александров. А Голуб, глядя на них со стороны, замечает:

— Вот так и в спектакле надо строить отношения.

Но до спектакля еще далеко. А пока я задаю режиссеру традиционный вопрос о том, что все-таки его прежде всего привлекло а пьесе. А он мне в ответ — тоже вопрос: не кажется ли мне фигура Посетителя символом. Говорю, что кажется.

— А почему? Не издержки ли это нашего мышления, нашей привычки к моральным, нравственным компромиссам, — режиссер буквально обрушивает на меня свои размышления. — Разве Дзержинский, Цюрупа— не такие люди? С Ермаковым все ясно. А Казмин? Не думаете ли вы, что мы а большинстве своем Казмины? И пора а открытую, громко сказать об этом. Ну, ладно, идет на компромисс грузчик. Это, конечно, тоже плохо. А если министр, от которого зависят многие люди!

Увлеченно говорит режиссер. Не менее увлечены актеры. Интересно и то, что на каждую роль утверждены не один исполнитель. И дух соревнования, думаю, тоже пойдет на пользу спектаклю, который мы будем ждать с нетерпением.